

Дело в том, что еще в декабре 1905 года был созван общепартийный съезд Р.С.-Д.Р.П. Он не состоялся вследствие вспыхнувшего восстания. Но часть делегатов большевиков все же успела собраться и составила фракционную конференцию, которая вынесла ряд резолюций, в том числе и по вопросу об отношении к Государственной Думе.

Эти резолюции были приняты в момент, когда многим казалось, что вооруженная борьба народа против царизма лишь начинается и будет в дальнейшем непрерывно развиваться, принимая все более решительный характер. В феврале положение было уже не то. Но декабрьская резолюция о Государственной Думе (предлагавшая бойкот выборов) являлась для большевиков исходной точкой рассуждения. Не требовалось рассматривать вопрос в целом заново, достаточно было выяснить, должна ли быть сохранена в силе эта резолюция, без всяких оговорок, или в нее следует внести те или иные изменения?

Этому вопросу был посвящен доклад, прочитанный партийным работникам - большевикам Лениным.

Доклад состоялся в середине февраля в одной из классных комнат Тенишевского училища. Слушателей было человек 100—120, — наполовину рабочие, наполовину партийцы-интеллигенты. Были приняты всевозможные предосторожности для ограждения собрания от внезапного набега полиции.

Мне приходилось и раньше встречаться с Лениным, но здесь я впервые мог оценить его, как докладчика по вопросу о революционной тактике.

Говорил он, с внешней стороны, не блестяще, — без образов, без пафоса, без длинных периодов, без эффектных цитат. Поческольку раз повторял одну и ту же мысль, одними и теми же словами, — будто повторными ударами молота забивал гвозди в головы слушателей. Порой долго останавливался на положении, которое было само по себе очевидно. И все же его речь ни на миг не казалась скуч-

ной. Основной особенностью ее была непоколебимая уверенность оратора в том, что он знает, каким путем идти, и что иного пути нет и быть не может. Ленин почти не снисходил до возражений противникам. Он приводил их аргументы лишь для того, чтобы заметить: «Да, ведь это смешно, товарищи! Они и сами знают, что это смешно. Это для малых детей ясно». О меньшевиках он отзывался с открытым презрением, называл их «либеральными дураками».

Ленин отстаивал безусловный бойкот Государственной Думы. Положение рисовалось ему в виде дилеммы: или конституционное строительство — или революция; или Дума — или восстание. Принять один путь — значит отказаться от другого пути. Кто за революцию, тот должен быть против Думы; кто за Думу, тот против революции. Свою мысль он формулировал еще и так: все дело в том, в каком году мы живем, — в 47-ом или в 49-ом? Если мы живем в 49-ом году, нужно идти к избирательным урнам; если у нас 47-ой год — то никаких выборов, ничего, что отклоняло бы народ с единственно прямого, единственно правильного пути восстания! И далее сыпались соображения о том, что 48-ой год еще впереди: объективные задачи революции не разрешены; классы, составляющие силу революции, не удовлетворены; революционная борьба продолжается — в партизанской форме, — и подавить ее правительство бессильно.

Но это были скорее иллюстрации, подтверждавшие мысль докладчика, нежели доказательства. Вообще, Ленин избегал доказательств. Он не рассуждал, а приказывал.

Выставив определенное положение, он делал из него выводы, потом делал выводы из этих выводов, и так дальше. Все — в порядке строгой дедукции, все — с непререкаемой уверенностью, со снисходительным смешком и презрительным замечанием по адресу противника.

От этой манеры веяло огромной силой.